

РОЛЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

К.С. Романова

Романова Кира Степановна

кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник Института
философии и права УрО РАН

«Всё, что неестественно, – несовершенно».
Наполеон.

Выявление онтологической сущности жизни и становление человеческой личности непосредственно связано с поиском идентичности и её поддержания.

Прежде всего, необходимо отметить многозначность термина «идентичность». Как гласит энциклопедический словарь: идентичность с латинского перевода означает – тождественный, одинаковый, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь. С английского языка идентичность переводиться как подлинность, и даже как личность и индивидуальность.

Идентичность выступает в качестве бытия уже сложившихся свойств и признаков, которые носят объективный характер и позволяют опознавать, отождествлять объекты или личности по совокупности общих или частных признаков. Подобный процесс опознания или отождествления определяется как идентификация. В криминалистике идентификация личности потерпевшего или подозреваемого осуществляется на основании устойчивых признаков, присущих ей, таких как: группа крови, отпечатки пальцев, почерк и т.п. В технике, математике установление соответствия распознаваемого предмета своему образу (знаку) называется идентификатором.

В психиатрии термин идентификации был введён З. Фрейдом как модель отождествления ребёнка с родителем того или иного пола. Затем в психологии и социологии идентификация

стала обозначать процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом. В настоящее время термин «идентификация» приобрёл более широкое значение, обозначая, с одной стороны, имитацию, подражательное поведение, а с другой, особенно в исследованиях личности – эмоциональное слияние с объектом.

Процесс идентификации включает в себя определенные отношения к идеалу. Поиск идентичности – это активная деятельность человека, направленная на выработку в себе определенных качеств и черт, соответствующих его социальной ориентации, его ценностным представлениям. Идеал же выступает как представление о конечной цели стремлений. По известному замечанию Маркса, человек «родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я». Поэтому «человек сначала смотрит как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу, как к себе подобному, человек Пётр начинает относиться к самому себе как человеку».¹ Идеал вырабатывается идеологией и поддерживается в общественном сознании функциями и деятельностью определенных социальных институтов. К ним относятся, в первую очередь, система социальных институтов, обеспечивающих процесс социализации личности, таких как: институт семьи, институт образования (от детсадов, школ до вуза), институт искусства (литература, музыка, театр и т. д.), институт средств массовой информации (печать, радио, телевидение), институт религии, включая такую организацию как церковь.

Однако чрезмерная идентификация с популярными героями (кинозвездами, суператлетами, рок-музыкантами) или представителями контркультуры (скинхедами, «бритоголовыми», криминальными «бригадами») вырывают юную личность из её реального социального окружения, тем самым ограничивая и подавляя её растущую истинную идентичность.

Разрушение социальных институтов, активная декларация деидеологизации общества, гибель идеалов приводит к потере не только социальных ориентиров, но и себя как самости. Преодоление своей потерянности, поиск своей идентичности приводит к усвоению чужой идеологии, или к возрождению исторически преодоленных форм идеологии. Не случайно за последнее десятилетие увеличилось на порядок число прихожан церкви, одного из старейших институтов общества, выполняющего функцию соборности, имеющего

системную идеологию, определяющую отношение и поведение человека к внешнему миру и к самому себе. Церковь как социальный институт, сегодня исторически укрепляя свой общественный и политический статус, оказывая влияние на семью, школу, государство, становится главным идеологом завтрашнего дня.

Становление личности связано, прежде всего, с разрешением психологических проблем взросления, ощущение своего личного Я, своей самости. Маленький ребёнок не знает ответов на многие вопросы. Самые важные из них: «Кто я?», «Что я за человек?», «Где моё место в жизни?». Это вопросы самоопределения, или идентификации, на которых основана вся наша взрослая жизнь, согласно которым мы принимаем ключевые решения.

Ощущение личностной идентичности предполагает среди прочего чувство стабильности и неизменности во времени. Быстрая перестройка периода полового созревания должна интегрироваться в новое ощущение идентичности. Процесс развития приводит молодых людей к концентрации на физических аспектах своего Я. Состояние тела не всегда объективно, а иногда даже полностью противоположно мнению окружающих. Я бы назвала это состояние «синдромом гадкого утенка», в результате развития которого вырастает прекрасный лебедь. Подростки отмечают и переживают социальную реакцию на изменение их физического облика (одобрение, восхищение или отвращение, насмешку, презрение) и включают её в представление о себе. Именно в этот период формируются и закрепляются различные комплексы и фобии.

Повышенное внимание к собственному телу и сравнение с другими людьми часто заставляет молодых людей переоценивать свои истинные или мнимые физические недостатки. Это приводит к тому, что у многих из них наблюдается значительное снижение самооценки и чувства собственной значимости. Это связано с тем, что в период взросления физические признаки очень важны для формирования как реакции окружающих, так и отношения представителей другого пола, ибо сексуальное развитие очень тесно связано с формированием чувства собственной значимости и личностной идентичности. Актуальным становится сравнение (идентификация) со сверстниками. Поскольку диапазон нормальной изменчивости остаётся неизвестным, это может вызвать неосознанное беспокойство и приводить к острым конфликтным ситуациям, агрессивному или депрессивному поведению и даже к хроническим неврозам. Эти симптомы объединяются понятием «комплекс Терсита», под которым подразумевают психопатологические отклонения, особенно снижение самооценки, обусловленные действительным или мнимым телесным несовершенством.²

Известный основатель эго-психологии

Эрик Х. Эриксон (1902 – 1994) рассматривал «эго» как автономную структуру личности, основным направлением развития которой является социальная адаптация. Именно эго составляет основу поведения и функционирования человека. Эриксон в книге «Детство и общество» считал, что развитие личности происходит на протяжении всей жизни человека, и выделял с помощью описания отличительных особенностей восемь стадий («восемь возрастов человека») психосоциального развития, где по-разному представлена эго-идентичность. Согласно его утверждению, эти стадии являются результатом развёртывающегося «плана личности», который наследуется генетически. У человека, начиная с рождения и до конца жизни, под влиянием эго – идентичности вырабатываются установки: «Я сам», «Я – то, что я могу», «Я – то, что я буду», «Я – то, чему я научился», и др. Причём, под эго – идентичностью автор понимал совокупность представлений у человека о себе, дающих возможность чувствовать свою уникальность и аутентичность.³

Самой главной стадией развития жизненного цикла в психосоциальном развитии человека Эриксон считал юность (с 12-13 до 20 лет). Уже не ребёнок, но ещё не взрослый юный человек сталкивается с различными социальными требованиями и новыми ролями, он переживает конфликт самого эго – то есть конфликт идентичности и принятие определенных ролей, предписываемых обществом и группой сверстников. Следовательно, содержание эго – идентичности Эриксоном определяется следующим образом. Растущая и развивающаяся молодежь, переживающая внутреннюю физиологическую революцию, прежде всего пытается укрепить свои социальные роли. Молодые люди иногда болезненно, часто из любопытства проявляют озабоченность тем, как они выглядят в глазах других по сравнению с тем, что они сами думают о себе, а также тем, как сочетать те роли и навыки, которые они культивировали в себе раньше, с идеальными прототипами сегодняшнего дня.

Появляющаяся интеграция в форме эго – идентичности – это больше, чем сумма идентификаций, приобретенных в детстве. Это сумма внутреннего опыта, приобретенного на всех предшествующих стадиях, когда успешная идентификация приводила к успешному уравниванию базисных потребностей индивидуума с его возможностями и одаренностью. Таким образом, чувство эго – идентичности представляет собой возросшую уверенность индивида в том, что его способность сохранять внутреннюю тождественность и целостность (психологическое значение эго) согласуется с оценкой его тождественности и целостности, данной другими.⁴

В определении идентичности, данном

Эриксоном, можно выделить три элемента. Первое: молодые люди должны постоянно воспринимать себя «внутренне тождественными самим себе». В этом случае у индивидуума должен сформироваться целостный образ самого себя. Второе: значимые другие люди тоже должны видеть «тождественность и целостность» в индивидууме. Это значит, что юным нужна уверенность в том, что выработанная ими раньше внутренняя целостность будет принята другими людьми, значимыми для них. В той мере, в какой они могут не осознавать свои Я – концепции, так и свои социальные образы, их появляющемуся чувству самоотчуждённости могут противостоять сомнения, робость, и апатия.

Третье: Молодые люди должны достичь «возросшей уверенности» в том, что внутренний и внешний мир этой целостности согласуются между собой. Их восприятие себя должно подтверждаться опытом межличностного общения посредством обратной связи.

В социальном и эмоциональном отношении созревание подростков заключает в себе новые пути оценки мира и своего отношения к нему. «Диффузия идеалов» является следствием того, что молодые люди не могут абсолютно принять ценности и идеологию, носителями которой выступают родители, церковь и другие источники авторитета. Не случайно молодежная субкультура является для молодых более значимой, чем традиционная культура общества. Согласно Эриксону, «ум подростка в поисках вдохновляющего единства идеалов становится умом идеологическим».⁵

Основа для достижения интегрированной идентичности закладывается в детстве, о чём говорит известный афоризм: «Все мы родом из детства». Однако за пределами того, что человек выносит из своего детства, развитие личной идентичности происходит под сильным влиянием тех социальных групп, с которыми они себя идентифицируют.

Поиск идентичности может быть более трудным процессом для определенных групп людей. Например, молодой женщине труднее достичь ясного ощущения идентичности в обществе, которое рассматривает женщин как людей «второго сорта». Биосоциальное понятие «человек» не обеспечивает идентичность социальных прав мужчины и женщины.

Во многих обществах на протяжении сотен веков женщина выступает и остаётся «другом» человека. Освобождение женщин [Women's Liberation] началось ещё в конце семнадцатого века во времена Великой французской революции, когда на эшафоте расставались с жизнью как мужчины, так и женщины. Именно в парижской коммуне прозвучали слова: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она вправе и выступать с трибуны». Феминистское движение потому и получило большую поддержку, что общество

до недавнего времени препятствовало усилиям женщин достичь позитивной идентичности, то есть общество неохотно представляло женщинам новые социальные роли и новые позиции в сфере занятости.

Борьба за права женщин охватывает три главные проблемы: право на образование, право на труд и право на финансовую самостоятельность, но, кроме того, и право на равноправие полов. Маргарет Мид в своей книге «Секс и темперамент у трёх первобытных народов», изданной в Нью-Йорке в 1935 году и перепечатанной в женских журналах в 1970 году, описывает обычаи различных первобытных народов, подчёркивая при этом, что статус мужчины как хозяина дома и главы семьи, а женщины – как подчиненного и обязанного проявлять послушание своему хозяину и владыке существа не является правилом. Она доказывает также, что в разных современных племенах бывают самые различные обычаи, вплоть до матриархата, из чего следует вывод: мужчина не является от природы владыкой, а женщина – подчиненным ему существом, а лишь различные условия, создающие ту или иную культуру, формируют в разных группах людей разные нравы.

Известный писатель и социолог Ю. Рюриков признаёт, что «мужественность» и «женственность» – совсем не биологические понятия, он не сомневается в том, что искомая их гармония коренится в универсальных законах биологии, отступление от которых означает для личности уход «со своей эволюционной магистрали». При этом «женственность, которую теряют женщины, не исчезает. По какому-то странному закону сохранения психологической энергии она переходит к мужчинам. При этом точки, которые для женщин – высшее достоинство, у мужчин обращаются в свои антиподы: мягкость делается мягкотелостью, внимание к мелочам – мелочностью, материнская осторожность – трусливостью, уходом из вечно мужской роли «каменной стены»...».⁶

В настоящее время, в период коренных экономических и социально-политических преобразований, которые привели к возникновению кризисных ситуаций, ибо разрушился привычный стабильный социальный мир существования и деятельности людей, идентификация приобрела подражательный характер поведения, в котором – главное «казаться», а не «быть». Такое подражательство носит характер социальной мимики.

Социальная мимикрия означает сложный комплекс защитных мер и приспособлений социально – политического характера, позволяющих выжить и самосохраниться тем социальным группам, слоям, индивидам, для которых в обществе возникли невыносимые условия жизни и деятельности. С одной стороны, это вынужденное средство самозащиты в кризисных ситуациях. Например, для русских, проживающих в Прибалтике, чтобы

избежать клейма «оккупант» и не получить позорный статус «не гражданин», необходимо демонстрировать знание национального языка и быть сверхлюбяльным в оценке политической и иной деятельности современных национальных властей. С другой стороны, происходит беспринципное приспособление к окружающей социально – политической среде, к сложившимся условиям жизни ради достижения каких-либо выгод. Например, всем известно, что занятие проституцией – это путь на «дно» жизни. А быть дорогой валютной проституткой – это путь к «элите». Кстати, как показывают социологические опросы среди старшекласниц, этот вид деятельности для них социально значим и предпочтителен среди других. Это объясняется тем интересом, который проявляют и поддерживают средства массовой информации к тем известным персонам, которые этот путь прошли, формируя в общественном сознании представление о социальной успешности и такой ценой.⁷

В современной политической практике социальная мимикрия выступает достаточно распространённым приёмом, при создании имиджа того или иного политика или депутата в ходе предвыборных компаний. Создание образа «своего парня» – беспроектный вариант для удовлетворения ожиданий и притязаний электората, для завоевания поддержки масс, идентифицирующих себя с этим лидером.

Мотивы, побуждающие личность вместо борьбы за переустройство мира стать на путь приспособления к нему, могут быть самыми разными: осознание ограниченности своих

возможностей; искреннее принятие существующего миропорядка в качестве единственно возможного; просто желание «плыть по течению», потому что так легче. Столь же различны и формы такого приспособления: это может быть реальная идентификация с теми, на чьей стороне сила (физическая, экономическая, политическая и т.п.), благодаря чему индивид начинает чувствовать себя сильнее, или иллюзорное чувство свободы, приносимое верой в бога или судьбу, или напряженная внутренняя активность, направленная на самопознание и самосовершенствование, то есть изменение своего внутреннего «я». Развитие личности, её деятельность невозможны без осуществления выбора и идентификации с определенными социальными структурами. Ибо, как известно: «жить в обществе и быть свободным от него нельзя».

1 Маркс К. Энгельс Ф. Капитал. Т.1. Соч. Т.23. С. 62.

2 Х.Ремшмидт Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. Пер. с нем. – М. Мир. 1994. С. 95.

3 Erikson E.H. Childhood and society. New York. Norton. 1963. P. 259.

4 Там же. Erikson, 1963, p. 261.

5 Erikson E.H Identity: Youth and crisis. New York. Norton. 1968. P.290.

6 Рюриков Ю. По закону Тезея. Мужчина и женщина в начале биархата. // Новый мир 1986, № 7. С. 187-188.

7 См. Робски Оксана День счастья - завтра. Москва. «Росмэн». 2005.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

О.В. Петрик

**Петрик
Ольга
Викторовна**
аспирант
Института
философии
и права
УрО РАН

В традиции отечественной философской мысли проблема человека всегда оставалась на переднем плане. Более того, всю отечественную философию можно назвать антропоцентричной, выстроенной вокруг проблемы человека, смыслов его существования и поступков. Так, например, русский философ Н. А. Бердяев писал о своей философии так: «В центре моего философского творчества находится проблема человека. Поэтому вся моя философия в высшей степени антропологична. Поставить проблему человека – это значит поставить проблему свободы, творчества, личности, духа и истории» [Н.А. Бердяев Моё философское мирозерцание // Б.В. Емельянов Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет. Екатеринбург. 2005. с. 25].